

- М-м...

Когда Чжоу Сяолэ очнулся, он только и чувствовал, что всё тело у него пылает жаром; этот жар обжигал так, что сознание мутилось, а в голове внезапно, насильно, одна за другой, вспыхивали чужие воспоминания, от которых голова закружилась ещё сильнее.

Он не успел разобрать эти незнакомые воспоминания, как сознание вдруг разом вернулось к нему. Он вспомнил, что спасал людей во время пожара, и, не в силах думать о чём-либо ещё, поспешно поднялся, кое-как встал и, шатаясь, направился к двери.

Однако в следующее мгновение, едва он, покачиваясь, вышел за порог, как невольно застыл на месте.

За дверью находился маленький дворик, обнесённый грубыми деревянными жердями; там собралось множество людей, и все были одеты странно: грубая холщовая одежда, мужчины - с волосами, собранными и обёрнутыми в пучок, женщины - с уложенными причёсками. Если бы это не были съёмки костюмированной исторической драмы, такую одежду в обычное время точно увидишь нечасто.

Но что сейчас вообще происходит? Разве он не тушил пожар? Где огонь? Где его лапшичная?

Увидев, что он появился, собравшиеся тоже на короткое мгновение замерли. Он ещё не успел осмыслить нынешнее положение, как ближайшая к нему девушка, завидев, что он вышел, поспешно поддержала его; на лице её невозможно было скрыть радость.

— Сяолэ проснулся? Прекрасно, прекрасно...

Сказав это, она вспомнила, что Чжоу Сяолэ всё ещё болен и ему нельзя стоять на ветру, и снова встревожилась; как раз собиралась велеть ему войти в комнату и отдохнуть, когда стоявшая посреди двора женщина средних лет, увидев эту картину, поспешно шагнула вперёд на пару шагов и принялась браниться:

— Ах ты бесстыжий гэр, всё тело у тебя уже чужой человек увидел! Если сегодня помолвку не назначить, завтра тебя станут ругать за распущенность. Как ты потом замуж выйдешь? Разве у гэров деревни Цяньлю после такого останется добрая слава?

Другая тётушка не смогла смотреть на это спокойно, указала на ту женщину пальцем и громко ответила:

— Лэ-гэр упал в воду, Сюй Гуань его спас - где же тут распущенность? Почему доброе дело спасения человека у тебя во рту превратилось в распущенность?

Чжоу Сяолэ, глядя на эту картину, растерялся ещё сильнее, однако сейчас все, казалось, уже

привыкли к его смятённому виду и не сосредотачивали на нём взглядов, так что Чжоу Сяолэ наконец получил возможность перевести дух и разобраться в нынешнем положении.

Хотя Чжоу Сяолэ не хотел этого признавать, всё происходящее теперь одно за другим доказывало: если он не забрёл случайно на съёмочную площадку, значит, он перенёсся и переродился...

В прошлой жизни Чжоу Сяолэ был маленьким хозяином лапшичной. С тринадцати лет он начал учеником, в восемнадцать открыл собственный бизнес, дела шли бойко, но, как назло, его успех вызвал зависть, и кто-то устроил поджог. Все сгорело дотла. Когда он вынес последнего покупателя, силы оставили его, он рухнул на землю, а в конце концов спасти его не удалось. Тогда ему было двадцать три года.

Те незнакомые воспоминания, что только что всплыли в его голове, принадлежали другому человеку. Этот человек носил то же имя и фамилию, что и он, тоже звался Чжоу Сяолэ, и был ещё совсем юн - всего шестнадцати лет. В отличие от него, Чжоу Сяолэ с детства был глуповат и слабоумен, воспоминания его тоже были обрывочными: то ясными, то неполными. Он помнил только болезненное, но нежное улыбающееся лицо старшей сестры, пронзительно резкую брань старшего дяди и старшей тётки, да бесконечную пахоту и работу.

Почему перед глазами собралось столько людей - это случилось уже после того, как он потерял сознание, и Чжоу Сяолэ не знал всех обстоятельств, поэтому лишнего не говорил. Лицо у него было бледное, точь-в-точь как у поддерживавшей его рядом старшей сестры Чжоу Цинцин.

Та женщина, что только что так яростно бранилась, была старшей тёткой прежнего владельца тела, Ван Гуйчжэнь. Она часто помыкала прежним хозяином тела, этим слабоумным ребёнком, заставляя его изо всех сил работать, и была до крайности сурова. Но поскольку родители Чжоу Сяолэ умерли, а из старших в семье оставалась только семья старшего дяди, жители деревни тоже не смели слишком вмешиваться. Пока всё не заходило чересчур далеко, никто не стал бы лезть: в конце концов, главное, чтобы в доме можно было досыта есть и тепло одеваться, а где уж тут заботиться о жизни и смерти чужих людей.

— Ха! Говорите, спасал человека, а кто знает, не сделал ли он чего другого, пока спасал? Когда Лэ-гэра принесли обратно, он ведь был укутан в верхнюю одежду Сюй Гуаня?

Язык у Ван Гуйчжэнь был злой, голос - пронзительный и режущий слух, но эти слова действительно были правдой.

То, что Сюй Гуань нёс Чжоу Сяолэ на руках всю дорогу от восточной части деревни до дома лекаря Чжоу у въезда в деревню, видели многие; а вот что было до и после падения в воду, действительно знали только Сюй Гуань и Чжоу Сяолэ.

В этот момент возле плетня стоял человек, на вид ещё совсем молодой, с чистым и красивым лицом, похожий на учёного; он сделал маленький шаг вперёд. Хотя одет он был в короткую рабочую одежду, а за поясом у него был заткнут кинжал, и с виду он, вероятно, должен был

быть охотником, вся его манера держаться была мягкой, словно у юного книжника.

В таком захолустном месте и вдруг такой утончённый на вид грамотей? Он и правда ходит на охоту, а не добыча охотится на него?

Этот книжник выглядел несколько скованно. Услышав слова Ван Гуйчжэнь, он поспешно замахал руками и сказал:

— Я... я ничего не делал. Я увидел, что человек упал в воду и ему нехорошо стоять в мокрой одежде, вот и... вот и накинул на него верхнюю одежду...

Возможно, взгляды всех присутствующих заставили его немного нервничать: говорил он неровно, голосом негромким, но смысл его слов все прекрасно поняли.

— Ты сказал, что ничего не было, — значит, ничего и не было? Ты испортил Лэ-гэру репутацию, а теперь говоришь такие слова, потому что не хочешь отвечать? — Ван Гуйчжэнь держалась так, будто была доброй старшей родственницей, но, договорив, вдруг принялась причитать, словно небу и земле жалуясь: — Ах мой бедный племянник! Мало того что человек слабоумный, так под конец ещё и тело его чужой человек всё увидел! За какие же грехи нам такое...

Стоявшая рядом Чжан-ши, хорошо ладившая с Ван Гуйчжэнь, тоже поддакнула:

— Вот именно. Если у молодого гэра репутация будет испорчена, потом ему уже трудно будет выйти замуж. В деревне Цяньлю такого никогда не случалось; если это разнесётся, то в будущем и другим гэрарам в деревне будет трудно посвататься.

На какое-то время выражения лиц у всех стали разными.

Хотя Чжоу Цинцин была слабой и болезненной, характер у неё был весьма твёрдый. Она ясно видела, что за расчёт строит семья старшего дяди. Не более чем вынудить её младшего брата выйти замуж, а потом и для неё самой подыскать «хорошую партию»; тогда свадебные дары за брак их обоих, сестры и брата, а также оставленные родителями поля можно будет забрать себе под предлогом того, что и сестра, и брат в семье уже выданы замуж и потому не имеют права наследовать родовое имущество.

Только, хоть она всё это и понимала, в вопросах брака старшая тётка как старшая родственница действительно могла принять решение. Она злилась на семью старшего дяди за то, что те вынуждали их с младшим братом к такому положению, где не оставалось дороги к жизни; её и без того почти бескровные губы побледнели ещё сильнее, задрожали, а рука, поддерживавшая Чжоу Сяолэ, вдруг крепко сжалась и тем самым выдернула Чжоу Сяолэ из растерянности.

Чжоу Сяолэ в общих чертах всё услышал, но никак не мог понять, почему он, будучи мужчиной, из-за того, что на него накинули мужскую верхнюю одежду, вдруг оказался распущенным и обязанным выйти замуж. Хотя в прошлой жизни ему и правда нравились мужчины, но неужели, раз он перенёсся сюда, то попал в эпоху, где мужчины могут свободно вступать в брак друг с другом?

Он этого не понимал, однако нынешнее положение действительно было для него неблагоприятным, а ему совсем не хотелось ни с того ни с сего жениться.

Только что, слушая, как говорит Сюй Гуань, он, хоть и немного пожалел о такой внешности, но тот даже одну фразу произнёс спотыкаясь и запинаясь; с первого взгляда было ясно - не тот тип, который ему нравится. Если семья старшего дяди так вынудит его вступить в брак, кто знает, не станут ли они потом супругами, полными взаимной обиды.

От одной мысли об этом Чжоу Сяолэ немного забеспокоился. В это время всё тело у него ещё горело жаром, горло пересохло и першило; он дважды кашлянул, и взгляды всех присутствующих один за другим обратились к его лицу. Чжоу Цинцин тут же занервничала, испугавшись, что болезнь у него станет ещё тяжелее, но Чжоу Сяолэ легко похлопал её по руке. Это движение всем показалось немного странным, не таким, как прежде, но никто так и не успел осознать, что именно изменилось, пока не прозвучали ясные слова Чжоу Сяолэ:

— Я не выйду замуж. Сюй Гуань спас мне жизнь, а за спасение жизни надо отплатить сторицей - за каплю воды нужно ответить целым источником, но такое дело, как замужество, всё-таки должно зависеть от того, взаимны ли чувства. Из старших у меня, кроме старшего дяди, есть ещё старшая сестра. Старшая сестра всё равно что мать, и мою женитьбу может решать только она!

Слова Чжоу Сяолэ звучали ясно, сказанное было разумным, но на лицах у всех было потрясение: никто не верил, что только что говорил именно он. Неужели после того, как он упал в воду, Чжоу Сяолэ перестал быть слабоумным?

Чжоу Цинцин отреагировала быстрее всех; на лице её смешались безумная радость и неверие.

— Сяолэ? Сяолэ, ты узнаёшь старшую сестру? Ты... ты это...

Она боялась, что всё это ей снится, но рука, поддерживавшая Чжоу Сяолэ, сжалась ещё крепче.

— Да, старшая сестра. Пока я лежал без сознания, перед глазами промелькнуло много картин, а когда я проснулся, обнаружил, что в голове стало совершенно ясно. Только что я услышал, как за дверью говорит много людей, и потому поспешно вышел искать старшую сестру.

Чжоу Сяолэ выдумал причину на ходу. Он занял тело чужого младшего брата, а сейчас вокруг царил такая суматоха, что, даже если бы он стал объяснять, будто душа сменилась, ему,

пожалуй, никто бы не поверил; кто знает, не потащили бы его ещё поить водой с растворённым талисманом.

Раз уж он начал жить заново и у него появилась семья, значит, Небо отнеслось к нему как к родному сыну; тогда он будет беречь это трудно доставшееся новое рождение и вместо прежнего владельца тела как следует позаботится о его старшей сестре. Что же до этих родственничков... вспомнив последние воспоминания прежнего владельца тела перед смертью, его взгляд изменился. Он посмотрел вдаль, на старшего дядю Чжоу Дэжуна, который всё это время прятался за Ван Гуйчжэнь.

Чжоу Дэжун в этот миг ещё не успел прийти в себя; трубка, которую он держал в руке, застыла неподвижно, и вдруг на него, словно став вещественным, пронзительно упал чей-то взгляд. Он вдруг о чём-то вспомнил, всё его тело вздрогнуло, голова втянулась в плечи, и те полголовы роста, на которые он был выше Ван Гуйчжэнь, вмиг словно спрятались обратно, как черепаха в панцирь.

К этому времени все уже пришли в себя. Никто не обратил внимания на странность Чжоу Дэжуна; люди, глядя на говорящего связно и рассудительно Чжоу Сяолэ, убедились, что он и правда очнулся и больше не был тем прежним слабоумным ребёнком. В тот же миг всё вокруг зашумело и загудело, будто в котле забурлило.

Тётушка Цинь Сань-нян, которая раньше заступилась за Чжоу Сяолэ, тоже была вне себя от радости: она сложила ладони и поклонилась Небу, бормоча:

- Небо уберегло, Небо уберегло.

Договорив, она увидела, что лицо у Ван Гуйчжэнь нехорошее, и тут же плюнула в её сторону:

— Увидела, что собственный племянник прояснился разумом, а у тебя всё равно лицо как у покойницы. Уж не потому ли, что не можешь смотреть, как Лэ-гэру становится лучше?□□

— Тьфу! Ах ты вонючая баба, Цинь Сань-нян, не мели языком что попало! Ещё раз будешь нести вздор, я тебе рот разорву! — крикнула Ван Гуйчжэнь и, словно боясь, что люди заметят её дурной вид, прикрыла его тем, что сплюнула на землю; затем, продолжая вопить, бросилась вперёд, намереваясь схватить Цинь Сань-нян.

Цинь Сань-нян ещё в молодости была мастерица таскать соперниц за волосы, к тому же она была на несколько лет моложе Ван Гуйчжэнь, так что, увидев, как та бросается к ней, нисколько не испугалась. Она быстро сделала пару шагов, увернулась от рук Ван Гуйчжэнь, а потом в ответ дёрнула её так, что золотая шпилька, воткнутая в волосы Ван Гуйчжэнь, съехала прямо ко лбу. Она тянула и кричала:

— Вздор это или нет - все видят! Ещё посмела ударить эту старую мать? Сегодня эта старая мать непременно покажет тебе, что к чему!

Среди множества тётушек только у Ван Гуйчжэнь в волосах была золотая шпилька, а на руке - нефритовый браслет; в деревне она тоже считалась зажиточной. Но стоило взглянуть на сестру и брата, Чжоу Цинцин и Чжоу Сяолэ, на их латанную-перелатанную одежду и желтоватые лица, как разве можно было не понять, что с ними обращались жестоко?

Только всё это в конце концов было делом чужой семьи, и жители деревни не так уж много могли сделать, чтобы помочь.

Когда Цинь Сань-нян только вышла замуж и приехала сюда, лишь мать Чжоу Сяолэ была с ней дружна, помогла ей влиться в деревню. Цинь Сань-нян была близка с матерью Чжоу Сяолэ как родная сестра, и в обычные дни именно ее семья больше всех помогала этим двоим детям. Как же она могла упустить такой хороший случай выплеснуть злость за детей своей доброй подруги?

Стоявшая рядом тётка Чжан, увидев это, тоже бросилась вперёд и протянула руку, хватая Цинь Сань-нян за руку: хотела прижать её, чтобы Ван Гуйчжэнь могла бить. Но другая тётушка, тётка Цзи, первой схватила уже её за руку.

Пока Цинь Сань-нян тянула Ван Гуйчжэнь, она заодно успела несколько раз цапнуть и тётку Чжан. Тётка Чжан взвыла от боли и теперь орала так, словно резали свинью.

Ван Гуйчжэнь вопила:

- Убивают! Убивают! Проклятая вонючая баба людей убивает!

Руками она то пыталась защитить золотую шпильку, то лицо, то схватить Цинь Сань-нян; забот у рук было слишком много, и в итоге ни за что толком она ухватиться не могла. Она махала руками как попало и тоже несколько раз оцарапала Цинь Сань-нян. Цинь Сань-нян было больно, но она не кричала, только всю силу вложила в пальцы и царапала так жестоко, как только могла.

Обстановка в одно мгновение вышла из-под контроля. Мужики средних лет смотрели, как несколько баб дерутся, и не смели подойти разнимать, боясь, что их потом обвинят в том, будто они обижают женщин. Лишь несколько пожилых тётушек и гэров, прикрывая лица и уворачиваясь, протягивали руки, пытаясь растащить их в стороны.

Глядя на эту суматошную картину, Чжоу Сяолэ почувствовал, что и без того тяжёлая голова разболелась ещё сильнее. Он хотел было вмешаться и уговорить их прекратить, да только сколько ни звал, никто не слушал. Краем глаза он заметил стоявшего сбоку молодого Сюй Гуаня: у того глаза феникса раскрылись широко, руки и ноги застыли, словно он впервые в жизни видел подобную сцену, и она нанесла его прожитым десятку с лишним лет немалое потрясение.

Чжоу Сяолэ, видя, что тот совсем не умеет выдерживать подобные обстоятельства, ещё твёрже

решил: ни за что нельзя позволить старшему дяде вынудить его выйти за Сюй Гуаня. Но сейчас Чжоу Сяолэ болел, сил у него не хватало, и одного желания было мало.

Когда он уже не знал, что делать, кто-то вдруг крикнул:

— Староста пришёл! Староста пришёл!

— Прекратить! — раздался полный силы голос, и несколько человек, что только что сцепились друг с другом, тут же остановились.

Со двора снаружи поспешно вошли несколько человек: это были староста деревни Цяньлю, Чжоу Цинфу, супруг старосты Цзи Цююнь, а также несколько молодых мужчин.

Едва староста переступил порог, как увидел: тучное тело Ван Гуйчжэнь осело на землю; шпилька из растрёпанной Цинь Сань-нян прически, теперь свисала у неё на шее, а на лице и шее виднелось несколько кровавых царапин. Она скривила рот; ранка у губ при этом натянулась и причинила ей боль. Поддерживая рукой лицо, она первой завопила с плачем:

— Староста, рассуди нас по справедливости! Я ведь ради доброго имени нашего Лэ-гэра хотела выдать его за Сюй Гуаня.

— Лэ-гэра в одежде постороннего мужчины, всю дорогу нес Сюй Гуань на руках - это столько людей видело. Я ради доброго имени Лэ-гэра велю ему выйти за Сюй Гуаня; что же в этом плохого, а?

— Я, как старшая тётка, помогала покойным второму брату и второй невестке растить двух детей; пусть не было заслуг, так хоть тяготы были. А теперь на меня ещё и пальцем показывают, бьют и бранят - всё из-за этой проклятой Цинь Юйхуа! Я велю Лэ-гэру выйти замуж - какое ей до этого дело? Это семейное дело нашего старого рода Чжоу, она что, имеет право вмешиваться?

— А теперь она ещё и избивала меня вот так! Плати! Ах ты проклятая нищая шлюха Цинь, плати мне!

Стоило Ван Гуйчжэнь заговорить о деньгах, уголки её рта растянулись ещё шире, словно она уже видела, как Цинь Сань-нян отдаёт ей всё семейное имущество в возмещение ущерба; даже боль от разорванной губы не могла сдержать её возбуждения.

Как могла Цинь Сань-нян такое стерпеть? Она закатала рукава и уже собралась броситься тянуть Ван Гуйчжэнь, но староста вытаращил глаза, стукнул посохом о землю, так разгневавшись, что усы у него словно завились кверху:

— Жена Чжоу Гуя! Ты что, ещё драться собралась? Или ты меня, старосту, ни во что не

ставишь?

— И ты, Ван Гуйчжэнь! Лэ-гэр ещё болен, разве сейчас время говорить о сватовстве? Хотите искать брачную партию младшим в своей семье - это ваше семейное дело, никто не посмеет сказать лишнего. Но с таким вашим видом это не похоже на сватовство, скорее уж на принуждение к браку!

Сказав это, староста перевёл взгляд на Чжоу Сяолэ. По дороге сюда ему уже подробно, одно к одному, рассказали всё, что только что произошло. Теперь он тоже знал, что Чжоу Сяолэ благодаря беде обрёл счастье и восстановил разум; только, видя, как Чжоу Сяолэ всё ещё болен и едва держится на ногах, а рядом его старшая сестра Чжоу Цинцин тоже выглядит слабой и болезненной, староста не мог не почувствовать жалости.

Но он также знал: история о том, как после падения в воду Сюй Гуань нёс Чжоу Сяолэ на руках через полдеревни, уже разнеслась так широко, что о ней узнали даже в соседней деревне.□□

Иногда людям вовсе не важно, какова правда на самом деле: из услышанного они верят только в то, во что сами хотят верить. Он мог удержать людей от беспорядочных пересудов, но это дело уже исказили и разнесли наружу, так что сейчас их двоим действительно лучше всего было бы пожениться.

Только взгляд Чжоу Сяолэ, которым тот смотрел теперь, отличался от прежней слабоумной наивности; чутьё подсказывало старосте, что если нынешнего, прояснившегося разумом Чжоу Сяолэ вынудить к браку, тот непременно перевернёт всё вверх дном, и тогда с этим будет ещё труднее покончить. Подумав об этом, староста мог лишь смягчить лицо, с посохом в руке сделал несколько шагов в сторону Чжоу Сяолэ, остановился посреди двора и ровным тоном сказал:

— Лэ-гэр только-только пришёл в себя, да и сам ещё болен. О свадьбе поговорим, когда Лэ-гэр поправится.

Смысл слов старосты всё же склонялся к тому, чтобы эти двое поженились. Чжоу Сяолэ это услышал. Только сейчас у него был жар, голова соображала медленно, а после того как он столько простоял, сил давно уже не осталось; держался он лишь на одном дыхании.

Чжоу Сяолэ не хотел много говорить. Сейчас его целью было прежде всего поправить тело, а уж после выздоровления выходить замуж или нет... Он взглянул в сторону Сюй Гуаня. Видя, что тот уже пришёл в себя, но на лице его всё ещё оставалось какое-то неверие, Чжоу Сяолэ нахмурился и подумал, что всё-таки надо будет найти случай спросить, что думает сам Сюй Гуань.

Староста, заметив, что Чжоу Сяолэ не возражает, подал своему супругу взгляд. Его супруг Цзи Цююнь понял и подошёл помочь Ван Гуйчжэнь подняться, тем самым как бы дав ей возможность достойно выйти из положения.

Ван Гуйчжэнь, встав с помощью супруга старосты, сразу почувствовала за спиной опору и хотела было продолжить, но, увидев нехорошее лицо старосты, на миг не решилась открыть рот. Она повернула голову и посмотрела на своего мужа, Чжоу Дэжуна, надеясь, что он вступится за неё.

Только Чжоу Дэжун жался в стороне, лицо его было испуганным и тревожным, рука, сжимавшая трубку, слегка дрожала; у него самого совесть была нечиста, и он уже не смел снова затевать неприятности. Увидев, что староста одним ударом посоха поставил точку и дело получило решение, он поспешно потянул свою жену и первым вышел за ворота двора дома Чжоу Сяолэ, торопливо удалившись.

Староста, видя, что семья Чжоу Дэжуна ушла, сказал Чжоу Сяолэ и его старшей сестре несколько слов о том, чтобы они как следует отдыхали, а затем тоже разогнал всех по домам.

Сюй Гуань шёл позади. Хотя сегодня речь шла о его браке с Чжоу Сяолэ, он был словно человек-невидимка: за всё время сказал лишь одну фразу, пришёл - как без следа, ушёл - словно без тени.*

(ПП: это устойчивое выражение, которое описывает человека, появляющегося и исчезающего незаметно, словно призрак)

<http://bllate.org/book/17639/1643356>